

Bulletin des DHI Moskau

Band 03

2009

Copyright

Das Digitalisat wird Ihnen von perspectivia.net, der Online-Publikationsplattform der Max Weber Stiftung – Stiftung Deutsche Geisteswissenschaftliche Institute im Ausland, zur Verfügung gestellt. Bitte beachten Sie, dass das Digitalisat urheberrechtlich geschützt ist. Erlaubt ist aber das Lesen, das Ausdrucken des Textes, das Herunterladen, das Speichern der Daten auf einem eigenen Datenträger soweit die vorgenannten Handlungen ausschließlich zu privaten und nicht-kommerziellen Zwecken erfolgen. Eine darüber hinausgehende unerlaubte Verwendung, Reproduktion oder Weitergabe einzelner Inhalte oder Bilder können sowohl zivil- als auch strafrechtlich verfolgt werden.

Борис Н. Ковалев, Новгород

Советские дети и школьная политика национал-социалистов на оккупированной территории СССР (1941–1944)

Школьное дело рассматривалось как важное пропагандистское и идеологическое направление. Так, разведывательное управление 61-й пехотной дивизии вермахта признавало, что «в отношении молодежи необходимо констатировать очень сильное влияние большевиков. Большевики сознательно уделяли много внимания молодежи, воспитывали и продвигали ее... Они сумели пробудить в ней сознание превосходства большевистской культуры и техники, а также вселили веру в лучшее будущее советского народа»¹.

Для разложения подрастающего поколения в крупных русских городах вводилась специальная должность представителя министерства пропаганды по школам. Он непосредственно контролировал отдел просвещения городской управы. В качестве первоочередных задач, решаемых отделом, нацисты называли следующие:

- 1) составление новых учебных планов и программ;
- 2) подготовку зданий к учебным занятиям;
- 3) регистрацию педагогов;
- 4) замену советских учебников новыми².

Отдел просвещения был обязан по запросам германского командования подготовить справки о школах и вузах на данной

---

¹ Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее ГАНИ-НО). Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 62.

² Архив Управления ФСБ по Смоленской области (далее АУФСБСО). Д. 27112-С. Л. 13.

территории до июня 1941 г. Отдельно брались на учет все преподаватели высших учебных заведений, средних школ, работники дошкольных учреждений и дети школьного возраста.

Одной из главных проблем, которой должна была активно заниматься коллаборационистская администрация, немецкое командование назвало «дебольшевизацию населения и в первую очередь детей»³. Делать это предполагалось через педагогов. В первые же недели оккупации в школах прошли чистки от «нежелательного элемента». Все преподаватели в обязательном порядке заполняли анкеты, где, кроме традиционных, были и такие вопросы: вероисповедание, место рождения отца, национальность отца, девичья фамилия матери, место рождения матери, национальность матери, образование, профессия, где работал, какую занимал должность, был ли членом или кандидатом в члены ВКП (б), не было ли в роду жидов до деда, служил ли в армии, с какого времени проживает в данной местности, адрес проживания⁴. Заполнивших анкету предупреждали, что за ложные сведения они будут отвечать по законам военного времени. Оккупантов не интересовал уровень подготовки преподавателей; главное, на что обращалось внимание, — это возможность использования их потенциала в интересах оккупационных властей.

В распоряжениях коллаборационистской администрации неоднократно говорилось о том, что «полагается не полностью занятых учителей, а также педагогов, доказавших свою преданность идеям Новой Европы, кроме их деятельности учителя, за вознаграждение привлекать к управлению деревней и к другим соответствующим работам»⁵.

Переживший оккупацию ставропольчанин М. А. Горькавый так вспоминал об этом: «В начале сентября нас, мальчишек, живущих на Подгорных улицах, заставили идти в школу, которую открыли в двухэтажном большом доме. На первом занятии дал напутствие

---

³ АУФСБНО. Д. 1/7256. Л. 38.

⁴ Государственный архив Брянской области (далее ГАБО). Ф. 2608. Оп. 1. Д. 28. Л. 16.

⁵ Государственный архив Новгородской области (далее ГАНО). Ф. Р-808. Оп. 1. Д. 16. Л. 22.

немецкий офицер на достаточно чистом русском языке. Затем достали мы свои учебники и начали по команде заклеивать бумагой всех партийных вождей и военачальников. Потом появился батюшка в рясе и с крестом, и с того дня мы стали изучать Закон Божий»⁶.

При «чистке» учебников не обошлось без курьезов. Нацистская инструкция требовала уничтожения любого упоминания о советской власти, коммунистической партии и произведений еврейских авторов. Следовательно, программа по истории Средних веков осталась без изменений. Но одна из ее тем звучала следующим образом: «Германия XII–XV веков — 3 часа: 1. Немецкая агрессия на восток. Немецкие завоевания полабских и померанских земель, завоевание немцами Прибалтики. Тевтонский орден и захват новых земель. Борьба Литвы и Польши с Орденом. Грюнвальдская битва»⁷. Эта программа в некоторых школах просуществовала до 1943 г., когда уроки истории были отменены.

Выпускались различные приказы и распоряжения, регламентирующие работу русских школ. Согласно их требованиям, занятия в школе начинались в 8 часов. Перед началом занятий читалась молитва «Царю Небесный», а после занятий — «Достойный есть». Все дети должны были являться в класс за 15 минут до звонка — чистыми, в опрятной одежде, мальчики — с волосами, подстриженными под машинку, а девочки — с заплетенными косичками. В классе дети во время перемены не имели права создавать беспорядок: шуметь, толкаться, бегать по партам. Все перемены проводились на воздухе. За порчу школьного имущества и инвентаря нес ответственность испортивший его. Продолжительность уроков — академический час, 45 минут. Перерыв между уроками составлял 10 минут⁸.

Целенаправленная школьная политика на оккупированной территории России началась с весны 1942 г., когда план блицкрига был окончательно сорван Красной Армией. В этих условиях пред-

⁶ Беликов Г. Оккупация. Ставрополь, 1998. С. 104.

⁷ Государственный архив Орловской области (далее ГАОО). Ф. Р-345. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

⁸ ГАОО. Ф. Р-808. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.

полагалось организовать на базе школ своего рода нацистские пропагандистские пункты. Так, в сентябре 1942 г. в Смоленске начали работу семилетние «народные школы». Согласно уставкам, основная задача русской школы заключалась не в обучении школьников, не в овладении ими знаниями, а исключительно в воспитании дисциплины и послушания. Для достижения этого рекомендовалось использование телесных наказаний. Однако абсолютное большинство учителей всячески саботировало распоряжения немецкой администрации. Там, где это было возможно, сохранялась советская общеобразовательная программа (конечно, с некоторыми коррективами; например, в школьную программу был введен Закон Божий). Заместитель бургомистра Б. В. Базилевский (агент советской разведки) после встречи учителей с представителем немецкой администрации д-ром Цигастром, заявившим о допустимости и необходимости телесных наказаний в школах, предупредил педагогов о том, что при первой попытке ударить ученика они будут с позором уволены⁹.

Роль связующего звена между русской и немецкой администрацией в сфере образования играл инспектор школ. В Смоленске на эту должность был назначен С. И. Блинов, который по мере сил старался ревностно проводить в жизнь распоряжения германского отдела пропаганды. Он лично развешивал в школах портреты Гитлера, других вождей Третьего рейха и красно-белые полотнища со свастикой¹⁰. Основная цель таких мероприятий была не только в пропаганде идей национал-социализма среди учителей и их воспитанников, но и в активном привлечении их на свою сторону. Для этой цели при городских управах стали создаваться специальные отделы, занимавшиеся проблемами детей и молодежи. Так, в функции Орловского отдела воспитания культуры и просвещения в 1942 г. входило следующее: «образование и воспитание молодежи, социальное обеспечение молодежи, физкультура и спорт, область работы — воспитание и забота о молодежи, охранение молодежи, попечение сирот, организация детских домов и надзор за ними, спортивные площадки и площадки для игр, физкультура»¹¹.

⁹ АУФСБНО. Д. 9856-С. Л. 16 об.

¹⁰ Там же. Л. 17.

¹¹ ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

О том, какими хотели видеть русских детей оккупанты, лучше всего дает представление материал о школьном празднике, опубликованный в орловской газете «Речь» 29 июля 1942 г. В ней сообщалось, что 25 июля директором орловской начальной школы №1 был устроен детский праздник, на котором присутствовали представитель германского командования генерал Гаманн, бургомистр Старов, заведомо просвещения Ищенко и другие гости. «Праздник прошел весьма оживленно, — удовлетворенно сообщал автор статьи читателям, — Зал был украшен гирляндами и цветами. Под бодрящие звуки марша дети выстроились в зале, ожидая почетных гостей. Гости собрались точно к 3 часам дня. Под звуки оркестра гости направились в зал, где их радостно приветствовали поднятием руки (немецкое приветствие) дети, расположившиеся полукругом. Приятное впечатление производила передняя шеренга детей с букетами цветов в руках. Эта группа выделилась для приветствия господину генералу и другим гостям, проявившим большое внимание к школе».

Подчеркивая положительное отношение немцев к образовательному процессу в оккупированных областях России, статья отмечала, что среди гостей дети видели и постоянных посетителей школы, с отеческой заботой относящихся к ним. «Гости заняли места. С приветственными словами на немецком языке выступала ученица 3-го класса Цыплакова. Держа огромный букет в руках, она передавала то, что чувствовали все дети: “Мы, ученики начальной школы №1, — говорила она, — приветствуем германское командование и выражаем большую благодарность за открытие нашей школы, за постоянную заботу о нас. Мы обещаем быть достойными учениками новой школы”. Она очень трогательно поднесла букет генералу, который встал и пожал ее тоненькую ручку. Ее слова были переведены на русский язык ученицей 1-го класса А. Журавлевой.

Генерал Гаманн, как самый почетный гость, встал и передал привет от главнокомандующего, выразил благодарность директору школы и всем учителям за проделанную работу, поблагодарил всех детей и особенно Цыплакову, ученицу 3-го “а”, и Журавлеву, ученицу 1-го “а”. Генерал говорил об открытии двух новых школ в г. Орле и просил всех детей передать своим товарищам об этом. Он также пожелал детям хорошо отдохнуть, набраться сил для ра-

боты с 1 сентября, а главное, быть всегда послушными и дисциплинированными. После этого дети поднесли букеты присутствующим гостям. Вступительная часть была окончена, дети вернулись в ряды своих классов, и перед гостями выступили шеренги мальчиков 3-го и 4-го классов, которые четко под музыку выполнили вольные упражнения. Затем вышли девочки 1-го класса в сарафанчиках и косынках, часть из них была одета бабочками и стрекозами. Они сплясали и спели народную песню “Как у наших у ворот”. “Бабочки и стрекозы” разлетелись под польку Штрауса и исполнили танец. По окончании строем они вернулись на свои места, на середину же выбежали мальчики 1-го и 2-го классов с пляской и песней “Земелюшка-чернозем”, эту группу ребятишек сменила группа мальчиков того же класса, которые в костюмах моряков исполнили народный танец “Яблочко” и т. д.». Но, конечно, это мероприятие, в котором принимали участие дети 7–10 лет, не должно было свидетельствовать о любви учащихся к русской, украинской и даже немецкой культуре. Преклонение перед идеями национал-социализма — такой была основная цель этого на первый взгляд безобидного мероприятия. «Утренник заканчивается построением фигур. Одна из них является немецкой эмблемой. Все затихает на миг. Ученица 4-го класса Александрова выступает со словами: “Сегодня нам было очень весело. Большое спасибо за устроенный праздник”». Гости направились в учительскую, а дети встали парами и пошли в столовую, где их ждал вкусный обед из трех блюд. Представители германского командования и здесь наблюдали за детьми, угощали их сладким. Глазки детей «сверкали, слегка утомленные, но зато сытые и довольные они расходились по домам». Недостаток помещения помешал директору пригласить родителей. Но предполагалось, что обо всем им расскажут сами дети, и те увидят, какую «большую заботу о детях проявили директор, учительство начальной школы, работая непрерывно под руководством германского командования и местного самоуправления»¹².

Этот материал, подписанный директором начальной школы №1 Домовой, был разослан редакциям большинства коллаборационистских газет Центральной России. Его рекомендовалось опубликовать как пример образцового функционирования «новой

¹² Речь. 1942. 29 июля.

русской национальной школы под чутким контролем германского командования»¹³.

Непосредственной подготовкой к учебному процессу занималась коллаборационистская русская администрация. Обучение в начальных школах по-прежнему оставалось бесплатным, на это в нацистской пропаганде постоянно обращалось внимание, хотя появились и частные школы для местной новоявленной «элиты», например, в г. Дно, с углубленным изучением правил хорошего тона, немецкого языка и немецкой культуры¹⁴.

На 1942/1943 учебный год на оккупированной территории были утверждены следующие праздники и каникулы для русских школьников: с 24 декабря по 9 января — зимние каникулы; 19 января — Крещение; 15 февраля — Сретенье; 7 апреля — Благовещение; 20 апреля — день рождения Вождя; с 22 по 27 апреля — Пасха; 1 мая — национальный праздник; 3 июня — Вознесение; 12–15 июня — Троица. Учебный год должен был заканчиваться 31 июля, а начинаться 4 октября¹⁵.

Даже во время отдыха школьники подвергались идеологической обработке. Так, в дни каникул все учителя обязывались один или два раза в неделю в организованном порядке посещать с учениками ближайшую церковь. В дни каникул предполагалось проводить с учащимися «не только прогулки по окрестностям своей школы и всевозможные игры на свежем воздухе и в классном помещении, но и политические беседы о характере современной войны цивилизованного мира против жидо-большевизма»¹⁶.

Во всех школах обязательно вывешивались портреты Адольфа Гитлера. Занятия начинались с «благодарственного слова фюреру Великогермании»¹⁷. Элементы тоталитарной пропаганды становились все агрессивнее по мере взросления учеников.

¹³ ГАОО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.

¹⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов, Санкт-Петербург (далее ЦГАИПД, СПб.). Ф. 0–116. Оп. 9. Д. 131. Л. 13.

¹⁵ ГАОО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.

¹⁶ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 14. Л. 192.

¹⁷ АУФСБНО. Д. 1/7256. Л. 212.

В начальных классах это были портрет фюрера и статья «Гитлер и дети». Кроме того, рекомендовалось перед Рождеством проводить утренник для детей 5–8 лет под девизом «Как детей чекист советский чудной елочку лишил, но затем солдат немецкий детям елку возвратил» (здесь в роли Бабы-яги выступал работник НКВД)¹⁸. Но уже на основе пособия для 4-го класса у учеников складывалось впечатление, что все более или менее известные русские деятели науки, искусства и литературы были антисемитами и германофилами, в их числе были и здравствовавшие тогда Валентин Катаев, Михаил Шолохов и Михаил Зощенко. Биографии Адольфа Гитлера и истории национал-социализма посвятила страницы своей книги «Рассказы о германском вожде» Иоганна Гаарер. В ней подробно описывались «жизнь и борьба честного и трудолюбивого народа», деяния «совести нации — национал-социалистов». Все негативное связывалось с «носатыми людьми с пейсами, картаво и с ошибками говорящими по-немецки»¹⁹. Следующим этапом, рассчитанным на учеников 6-го и 7-го классов, было ознакомление с «Протоколами сионских мудрецов» и книгой А. Мельского «У истоков великой ненависти (очерки по еврейскому вопросу)». По ним каждый учащийся должен был подготовить доклад. Наиболее распространенными являлись темы «Великий обман "отечественной войны"», «Еврейское засилье в современном мире», «Германский бунт и ответ мирового еврейства»²⁰. Поощрялось выступление учеников перед представителями как русской, так и немецкой администрации.

Летом 1943 г. оккупантами было объявлено, что в районах, где для этого есть предпосылки, в городах будут открыты 8, 9 и 10-е классы. С этой целью в Брянске приступила к работе специальная комиссия. На нее возлагалась задача очистить программы и учебники от «всяческого коммунистического хлама» и подобрать более ценный материал. Учащимся и их родителям объявлялось, что «в следующем учебном году в курс преподавания войдут география, история, естествознание, обществоведение. На уроках обществоведения будут использованы материалы книг, газет, брошюр, плакатов, из которых учащиеся узнают о прекрасной жизни

¹⁸ Там же. Л. 190.

¹⁹ См.: ЦГАИПД, СПб. Ф. 0–116. Оп. 9. Д. 1301.

²⁰ АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 168.

народов Германии и вскроют ту жидо-большевистскую ложь, которой отравляли учащихся»²¹.

Но разговоры о полных средних школах и гимназиях во многом являлись очередной пропагандистской уловкой нацистов. На страницах коллаборационистской прессы публиковались материалы, доказывавшие, что ни один честный русский юноша или девушка не сядут за парту в «тяжелое для своей Родины время». В этих условиях общеобразовательные школы якобы по требованию самих учащихся предлагалось заменить на сельскохозяйственные и ремесленные²².

Воздействовать на подрастающее поколение нацисты пытались по-разному: через средства массовой информации, штатных пропагандистов и подпольную агентуру. Не ограничиваясь этим, оккупанты систематически стали устраивать для молодежи и подростков гулянки. Все они обязательно предварялись выступлениями агитаторов, которые призывали юношей вступать в отряды самообороны, организуемые против партизан, а также в ряды Русской освободительной армии генерала Власова²³.

В РОА появились свои «сыновья полка», которые выполняли различные вспомогательные функции: служили адъютантами, переводчиками, пропагандистами. В. Н. Бурмистров, 1930 года рождения, позднее вспоминал: «С нами “занимался” переводчик коменданта. Ему было лет 16, не больше, одет он был всегда в форму власовца (немецкая форма с небольшими изменениями). Кто он был по национальности и откуда хорошо знал и русский и немецкий языки, мы не знали. А главное его занятие с нами было — борьба. Это у него было как болезнь. Естественно, у нас не было никакого желания и физических возможностей составить ему конкуренцию. Он был приземист, широк в плечах и отменно упитан, из нас же каждый был на 4–5 лет моложе его, худ и слабосилен от недоедания, и он без труда поочередно клал нас на лопатки и был очень доволен. Один из мальчишек, лет тринадцати или четырнадцати, не знаю,

²¹ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.

²² Служба регистрации архивных фондов Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 43–508. Л. 78.

²³ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 36.

из какого села, как-то изловчился и положил Пискуна (так переводчика все звали за его визгливый голос) на лопатки. О Боже! Что тут началось! Сначала Пискун не понял, что произошло, долго лежал без движения. Потом вскочил, убежал в дом и выбежал оттуда с нагайкой, с которой он ездил на лошади, сопровождая коменданта, причем комендант всегда ездил на лошади белой масти, а Пискун на две трети корпуса лошади сзади и сбоку, как привязанный, на лошади темной масти. Победитель в борцовском поединке был нещадно избит плеткой, кулаками и уже лежащим — ногами»²⁴.

Летом 1943 года, в период массового создания структур РОА на местах, власовцами была предпринята попытка использования в своих целях групп из учителей и учеников. Было заявлено, что «воспитывать детей в национальном духе, в новой великой России, есть первейшая задача учительства»²⁵. Младших школьников привлекали для выступления перед гражданским населением с антисоветскими рассказами, частушками, песнями, стихами. Из учеников старших классов и учителей вербовали слушателей школ пропагандистов. Перед началом массовой депортации мирного населения из прифронтовой зоны осенью 1943 года все они были вывезены в Прибалтику и Германию.

Можно сделать вывод, что в молодежи нацисты видели одновременно и своих потенциальных союзников, и наиболее опасную силу для своего режима. Оккупанты понимали, что люди, выросшие в России после 1917 г., испытали на себе сильнейшее влияние советской пропаганды. При этом сотрудники ведомства Геббельса надеялись, что после определенной идеологической обработки из подрастающего поколения на оккупированной территории удастся подготовить активных проводников «новых порядков». «Новая русская школа» должна была воспитывать людей пронемецки и пронацистски настроенных. В особенности это стало актуальным после срыва плана молниеносной войны Германии против Советского Союза. Для нацистов в этих условиях школа и ее работники стали бы той силой, которая позволила бы контролировать советскую молодежь, способствовала бы ослаблению влияния на нее со стороны представителей движения Сопротивления.

²⁴ Говорят дети войны. Орел, 2005. С. 25.

²⁵ АУФСБНО. Д. 1/7256. Л. 212.